

**Кондратюк Г.Н. УДК 94(477.75=411.16) «1920/1930»
ЕВРЕЙСКАЯ АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В КРЫМСКОЙ АССР КАК ЭЛЕМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (20 - начало 30-х годов XX века)**

Формирование целостной концепции регулирования межнациональных отношений, одна из актуальных задач современного государственного строительства в нашей стране. Помочь в выработке данной концепции может обращение к опыту проведения национальной политики в 20-30-х годах XX века. Цель данной работы заключается в анализе аграрного аспекта еврейского переселения в Крым в межвоенный период, как важной составляющей национальной политики советского государства. Изучение создания и развития еврейских аграрных поселений и колхозов нашло отображение в работах О.В. Козерода, В.О. Доценко [1]. Однако авторы проанализировали развитие еврейских артелей и колхозов в УССР, не обращаясь к крымской специфике. Создание и судьба еврейской коммуны «Войо-Нова» стала предметом изучения Г. Хиллинга [2]. Автор обратился к деятельности коммуны созданной в Крыму реэмигрантами из Палестины. Однако, это только один из сюжетов переселенческого процесса и формирования сельскохозяйственных колоний.

Вопрос создания аграрных колоний начал обсуждаться сразу же после установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года. С 16 по 21 октября 1922 года в Москве прошел Всероссийский съезд Еврейского Общественного Комитета (Евобщесткома). В резолюции съезда отмечалось, что «свое главное внимание в этой области Евобщестком должен уделить с/х колониям, организации с/х кооперативных артелей, не эксплуатирующих чужого труда» [3, л.38].

В мае 1924 года КОМЗЕТ направил в Крымскую АССР двух своих представителей А. Мережина и Ю. Гольде. Они в процессе встреч с должностными лицами СНК Крымской АССР обсудили объёмы земельных фондов под создание аграрных колоний. 16 мая 1924 года народный комиссар земледелия Крымской АССР Умер Ибраимов с подачи председателя СНК Крымской АССР Османа Дерен-Айерлы и председателя ЦИК автономии Вели Ибраимова выдали представителям КОМЗЕТа письменное заявление №2985 о возможности предоставить 50000 десятин для приёма переселенцев-евреев извне Крыма. Этой земли было достаточно для переселения приблизительно тысячи семей [4, л.2]. Но в отличие от незначительного по численности самостоятельного переселения, начало государственной кампании по широкомасштабному процессу переселения евреев вызвало настороженность и скрытое недовольство руководства крымской автономии.

В ноябре 1924 года Ю.Гольде совершает вторую поездку в Крым, для переговоров о выделении земли под переселение. 8 января 1925 года состоялось выступление В.Ибраимова на заседании плановой комиссии КОМЗЕТа. Были предложены 11 участков общей площадью 12829 десятин для переселения 500 семей. Но, возник целый ряд сложностей. Народный комиссар земледелия Умер Ибраимов стал заявлять, что может выделить не 50000, а уже только 40000 десятин земли и 27117 десятин из них предназначены только для межселенного переселения в самом Крыму [5, л.2]. Это изменение вызвало резкое несогласие представителей КОМЗЕТа считавших, что характер переселенческой политики может определять только сам КОМЗЕТ. В частности, это касалось подбора переселенцев. Во второй половине января 1925 года в Крым приехал агроном С.Любарский и из 12 предложенных участков забраковал 4, оставив 8 общей площадью 8 тысяч десятин для 290 семей. А через месяц, 27 февраля 1925 года КОМЗЕТ, совершенно неожиданно, получает телеграмму из Симферополя: «Категорически просим приостановить посылку в Крым переселенцев назначенных 250 семейств евреев Гомельской и Смоленской губерний» [6, л.3].

Это начало планового переселения, как кампании инициированной государством, направляемой и финансируемой целым рядом организаций. Но аграрные колонии создавались и переселенцами, которые приезжали самостоятельно. Колонии создавались в 1922, 1923 и 1924 годах. Это были сельскохозяйственные артели и коммуны. В совокупности порядка 500 семей. Все они занимались земледелием на правах аренды и никакими переселенческими льготами не пользовались [7, л.5].

За подписью председателя КОМЗЕТа П.Г. Смидовича в адрес Президиума ВЦИК было направлено обращение от 10 апреля 1925 года, в котором в категорической форме отмечалось: «Комзет считает своим долгом довести до сведения Президиума ВЦИК, что находит поведение крымского правительства в отношении центральных органов СССР и РСФСР крайне пренебрежительным, роняющим достоинство советской власти как внутри, так и вне СССР» [8, л.7]. И более того указывалось, что необходимо «считать действия крымского Правительства в отношении созданных в Крыму за 1922-24 годы еврейских сельскохозяйственных коллективов не соответствующими национальной политике советской власти и идущими в разрез с политикой соввласти в отношении землеустройства трудящихся евреев» [9, л.8].

За переселенческими коллективами сложно, но всё же происходило закрепление земли. Так, 8 июля 1925 года НКТ Крымской АССР в Джанкойском районе закрепил землю за еврейскими коллективами на Ново-Покровской даче за артелями «Хаклай», «Авода», «Кодымо», «Ециро», «Землероб» и коммунами «Мишмар», «Тель-Хай» и «Маяк» [10, л.16об.].

На каждом из переселенческих участков были проведены гидротехнические исследования, распланированы места поселения, разбиты поля под севообороты и гоны. Шесть участков были заняты еврейскими переселенческими товариществами: Трудовой Ломовик, Ной-Лебен, Ней-Шпроцунг, Агудас-Ахим, Трудовая Жизнь, Труд, Ойфленбург, Новый Быт, Прогресс, имени Смирнова, Возрождение.

16 апреля 1925 года ЭКОСО РСФСР приняло постановление об отводе земельных участков трём артелям, организованным из евреев, живших в Крыму, вне Джанкойского района: «Крымчак», «Арбет Лайт», «Шолем» [11, л.17]. На первом этапе этим небольшим артелям выделяли неплохие по качеству участки земли, расположенные вблизи железнодорожных станций, посёлков и городов. Это были, как правило, бывшие экономии. 25 декабря 1922 года была создана еврейская коммуна «Тельхай». 28 апреля 1923 года была создана еврейская артель «Хаклай». 16 октября 1923 года создана артель «Авода». Из коммуны «Тельхай» в 1924 году выделилась коммуна «Мишмар». В апреле 1924 года она получила землю в хозяйстве Кучук-Алкалы, имения принадлежавшего некогда Сарачу. 16 сентября 1924 года была создана артель «Ециро», а 7 февраля 1925 года артель «Кодымо». Она располагалась всего в 6 верстах от Джанкоя. В артели на момент создания насчитывалось 29 построек [12, л.17]. Коллективы, расположенные в бывших имениях засеяли 2769 десятин. В них проживало 1465 человек. В коллективах, которые были созданы в степи, насчитывалось 1423 жителя. Они сумели обработать 908 десятин посева [13, л.20об.].

В 1926 году в Крыму насчитывалось уже свыше 30 еврейских сельскохозяйственных артелей, коллективов и коммун с шестью тысячами жителей [14, л.27об.].

Середина 1920-х годов стала временем активного проведения переселенческой кампании и создания новых аграрных объединений. Так, если по Джанкойскому району в 1925 году насчитывалось 8 еврейских переселенческих пунктов, в которых проживало 245 семей обрабатывавших 9180 десятин земли. То в 1926 году уже насчитывалось 33 населённых пункта, в которых обосновалось 595 семей. Существенно возросло количество обрабатываемой земли до 37565 десятин [15, л.37]. В еврейских переселенческих колониях было создано 68 коллективных и кооперативных объединений. По своему организационному характеру они включали 41 переселенческое товарищество, 12 товариществ по совместной обработке земли, 8 артелей и одно машинное товарищество. Из общего количества объединений было и 4 коммуны. В своём отчёте еврейская секция Джанкойского райкома партии отмечала, что из 4 коммун 3 гехолуцианские [16, л.38].

В своём становлении еврейские колонии сталкивались с множеством сложностей. Одной из главных проблем был недостаток инвентаря для обработки земли. Так, к весенней посевной кампании 1926 года на 563 семьи приходилось 368 лошадей и 345 волов. В совокупности на одно хозяйство приходилось менее одной головы рабочего скота. В 11 населённых пунктах насчитывалось всего 4 трактора, 7 молотилок, 10 веялок, 24 сеялки, 63 жатки, 107 ралок и 117 плугов. Таким образом, 1 трактор приходился более чем на 100 семей, 1 плуг на 4 семьи, 1 борона на 3 семьи [17, л.39].

С момента своего формирования, еврейские колонии стали местом идеологической борьбы. Вопросы обустройства, приобретения инвентаря, мероприятий местных и центральных органов власти были в центре внимания евреев переселенцев. В условиях относительной свободы дискуссий 1920-х годов существовали не только коммунистические организации. Отчёт Джанкойского райкома партии констатировал, что в «районе сконцентрированы лучшие силы антисоветских группировок: Гехолуц правый и левый и «Гашомер-гацоир» в количестве более 300 человек. Теперь в связи с плохим урожаем, вероятно, они усилят свою работу среди переселенцев» [18, л.45]. При этом партийные лидеры констатировали, что между крестьянами-переселенцами и коммунистами функционерами нет взаимопонимания: «городские партийцы-евреи в большинстве своём, не владеют еврейским языком, еврейских газет не читают, а потому слабо разбираются в злободневных вопросах жизни еврейских трудящихся масс» [19, л.45].

Ход переселенческой кампании, существовавший комплекс проблем, основные направления национальной политики, борьба с проявлениями антисемитизма обсуждались на периодически проводившихся беспартийных конференциях и совещаниях. 7 апреля 1926 года в Симферополе начала свою работу I Всекрымская еврейская беспартийная конференция. В повестке дня работы конференции были обозначены и такие вопросы как «землеустройство трудящихся евреев и ОЗЕТ» и «Работа ВКП(б) среди нацменьшинств». Докладчиком по вопросу о землеустройстве являлся представитель евсекции обкома Глоуберман. Докладчик, в частности, отметил, что на 1926 год в Крыму было отведено 32 тысячи десятин земли. Докладчиком о национальной политике ВКП(б) среди нацменьшинств являлся представитель Отдела национальностей ВЦИК Рашкес. В резолюции по докладу отмечалось, что «эта политика способствовала и способствует к всё большему превращению еврейских полупролетарских масс – крестьян, кустарей, ремесленников в верных подсобников еврейских рабочих в деле переустройства жизни бедняцких еврейских масс на новых трудовых началах. Этому особенно способствует привлечение значительных масс еврейской бедноты к земледельческому труду» [20, л.12].

На I Всекрымском совещании специальное внимание было уделено аграрным аспектам процесса переселения. В докладе «Об итогах и очередных задачах строительства сельскохозяйственных коллективов» было отмечено, что с 1923 года ситуация с численностью и состоянием колхозов и коммун стабилизировалась. При анализе деятельности еврейских колхозов в Крыму, были отмечены определённые просчёты и трудности. В частности, недостатки заключались в «относительно и абсолютно низкой производительности труда в колхозах... стремлении во многих случаях во что бы то ни стало коммунизировать весь быт..., в пережитках военного коммунизма ещё не ликвидированного в колхозах» [21, л.23]. Представитель КОМЗЕТ по Крымской АССР Б. Гринштейн представил содоклад «Опыт коллективизации еврейского крестьянства в Крыму». Выступавший, в частности, проанализировал причины заставившие евреев объединяться в артели и характер этих артелей. Автор доклада обратил внимание на то, что отсутствие организационного управления, неравномерные паевые взносы и распределение доходов, отсутствие работы для всех членов артели являются основными факторами, дестабилизировавшими жизнь в еврейских артелях [22, л.25].

Существеннейшую роль в обустройстве и преодолении материальных трудностей играло крымское отделение ОЗЕТ. Оно было организовано в апреле 1925 года. В общество в январе 1926 года входило 409 членов, а к октябрю уже 1190 человек [23, л.30]. Правление крымского отдела ОЗЕТА отмечало, что с момента создания стремилось вовлечь широкие слои еврейского населения в ОЗЕТ «имея в виду создание общественного настроения вокруг дела землеустройства еврейского населения» [24, л.30]. Помощь, оказываемая ОЗЕТ переселенцам, была разнообразной, в том числе кредитование и связь с колониями. Правление крымского отделения ОЗЕТ стремилось создать организационные структуры во всех регионах Крымской АССР. К рубежу 1926 года их насчитывалось уже 9, объединявшие 3149 членов ОЗЕТ [25, л.31]. ОЗЕТ выдавал кредиты сельскохозяйственным артелям переселенцев. С целью координации работы, 27 июня 1926 года в городе Евпатории было проведено Всекрымское совещание отделений ОЗЕТ. От центрального правления ОЗЕТ в его работе принял участие Гольде. В резолюции, подводившей работу совещания, отмечалась необходимость концентрации работы по обустройству сельскохозяйственных колоний Евпаторийского района [26, л.31]. В этом же Евпаторийском районе был выделен участок №75 для расселения евреев уже из городов самого Крыма, которые желали бы перейти к работе на земле. Всего было зарегистрировано 55 семей горожан, пожелавших перейти к аграрному труду [27, л.37]. Эта цифра показывает, что очень незначительное количество крымских евреев горожан откликнулось на призыв к переселению. Среди 55 семей большинство хотело получить земельные участки недалеко от тех городов, в которых они проживали.

В обустройстве евреев-переселенцев на новых выделенных земельных участках огромная роль принадлежала Агро-Джойнту. Роль кредитов, поставок оборудования и инвентаря, работу техников и агрономов Агро-Джойнта в формировании и развитии сельскохозяйственных поселений сложно переоценить. В отличие от ОЗЕТ, Агро-Джойнт обладал огромными финансовыми возможностями. Если за КОМЗЕТ была политическая составляющая процесса переселения, то Агро-Джойнт внёс «львиную долю» материально-технических средств. Данный факт был признан на заседании бюро евсекции областного комитета ВКП(б), состоявшемся 23 марта 1927 года. Выступивший в прениях Голинский отметил, что «влияние Джойнт в Крыму сильнее Комзета и Озета» [28, л.10]. Самокритичной была и оценка итогов работы члена евсекции обкома Ковнера: «Бюро Евсекции не пользуется у нас в Крыму достаточным авторитетом. Работники Озет и Комзет не считают необходимым согласовывать свои решения с Бюро Евсекции» [29, л.10].

Активная переселенческая кампания, выделение земельных массивов для переселения евреев вызвали сопротивление со стороны части политического руководства крымской автономии. Между членами КОМЗЕТ и руководством ЦИК и СНК Крымской АССР во второй половине 1920-х годов развернулась острая борьба. КОМЗЕТ попытался сформулировать некую компенсацию за выделенную землю. Так, согласно постановлению СНК РСФСР от 24 августа 1927 года было намечено выделить под потребности переселения 42 тысячи десятин бывшего пастбищного фонда. На этот земельный массив предполагалось переселить не менее шести тысяч человек, для интенсивного пахотного освоения этой земли. КОМЗЕТ стремился к тому, чтобы данное количество земли было выделено одним массивом в Джанкойском и Евпаторийском районе. В порядке некоей «компенсации» КОМЗЕТ обязывался построить в Джанкое шерстопрядильную фабрику и завод виноградного спирта. Завезти из-за границы 5 тысяч голов породистых овец. Заложить на этой выделенной земле не менее 600 десятин виноградников. Об острой и напряжённой борьбе, развернувшейся между КОМЗЕТ и крымским руководством, свидетельствует письмо Ю. Ларина направленные 28 декабря 1927 года секретарю крымского обкома ВКП(б) Живову. В нём автор указывает, что «считаю борьбу против осуществления этой директивы...ещё более безнадежной, чем та, какую Крым вёл в 1926-27 году против передачи Комзету 55 тысяч гектаров расселенческого фонда. Тогда речь шла о хорошей земле и без индустриальных выгод для Крыма – и то борьба была Крымом проиграна и по партийной и по советской линии и эти 55 тысяч были переданы Комзету. Ибо ничем нельзя было оправдать позицию протеста. Теперь же речь идёт преимущественно о плохих неиспользуемых землях и о большем вкладе в общее хозяйственное развитие Крыма. Тем более есть оснований не повторять опыта борьбы против продолжения осуществления в жизнь той директивы Политбюро, которая была дана» [30, л.51].

В переселенческих деревнях были различные организационные формы объединений. Самой распространенной структурой являлось товарищество по совместной обработке земли. Коммун насчитывалось всего 4. На первом этапе колхозы не получили значительного распространения, хотя именно они пользовались политической поддержкой властей. Вопрос организации переселенцев обсуждался на заседании подотдела нацмен областного комитета ВКП(б). Докладчиком являлся председатель евсекции Ковнер. В резолюции «О работе среди евреев за 1927 год» по докладу отмечалось: «Слабое развитие коллективизации еврейской деревни, что затрудняется неудачными опытами обязательного коллективизирования в первые годы переселенческой работы, а также вследствие плохого обслуживания со стороны кооперативных организаций и кредитующих органов» [31, л.53]. Резолюция наметила ряд конкретных мероприятий, направленных на усиление коллективных форм организации переселенцев. Так, перед колхозсекцией ставилась задача «принять меры к укреплению коммуны «Юнгвальд» и артели «Победа», продолжать работу по советизации гехолуцианских коммун и уделить особое внимание вновь возникающим коллективам, в связи с наблюдающимся переломом в пользу коллективизации» [32, л.54]. Переселенцы, приехавшие в Крым, в подавляющем большинстве в прошлом были городскими жителями, не знакомыми с особенностями труда на земле. Поэтому одним из важнейших аспектов стала постановка

технологических процессов обработки земли. В прошлом мелкие предприниматели и кустари были незнакомы с особенностями выращивания различных культур. Оказание квалифицированной агрономической помощи было необходимым условием развития переселенческих деревень. Агрономическая помощь оказывалась агрономами Агро-Джойнта и ОЗЕТ. Каждому агроному был отведён определённый участок и для охвата значительного количества населения в помощь ему выделялся инструктор, как правило, из местных опытных крестьян. В 1927 году Агро-Джойнт за счёт своих средств содержал 6 агрономов и 9 инструкторов. ОЗЕТ 2 агрономов и 4 инструкторов [33, л.58]. Эта помощь была крайне необходима, так как на первом этапе переселенцы испытывали множество трудностей обустройства. Незнакомая местность, непривычный жаркий климат, специфика в ведении хозяйства обуславливали экономические трудности. В отчёте обкома партии констатировалось, что «в первый год хозяйствования переселенцы, особенно беднейшие, проедая свои наличные средства впадают в нужду и порой голодают» [34, л.58].

Сложности не оставляли переселенческие деревни даже в 1928 году, несмотря на то, что целый ряд поселений существовал порядка четырёх лет. Секретарь евсекции при агитпропотделе Джанкойского райкома ВКП(б) Бердакин в своём докладе был вынужден признать, что «положение сейчас крестьян в экономическом отношении не важно, причины не урожай яровых...очень тяжело отразилось на материальное и моральное состояние крестьян. ...всю зиму переселенцы провели в холодном состоянии ввиду неважности домов и отсутствие топлива...более чем 200 голов скота пало и те которые остались очень слабы» [35, л.14]. Секретарь евсекции Ковнер в майском отчёте 1928 года, возвращаясь к теме коллективизации, констатировал, что «коллективизация еврейской деревни развивается медленно, дело в том, что в силу чрезмерного увлечения Комзетом коллективизацией в первые годы переселения, при недостаточно правильном комплектовании колхозов и слабом обслуживании, колхозы разваливались и в значительной степени дискредитировали идею коллективизации» [36, л.16]. Существовал и комплекс объективных сложностей, которые стояли перед переселенцами. О них можно судить из заключения секретаря Крымколхозсекции от 21 декабря 1928 года о состоянии коммуны «Юнгвальд». Эта коммуна состояла из еврейской переселенческой молодёжи. В коммуне все хозяйственные и бытовые элементы были обобществлены. Коммуна действовала на основе устава, который содержал идеалистический принцип от каждого по способностям и каждому по труду. Состав коммуны был пёстрым и наряду с бывшими рабочими и ремесленниками были и дети предпринимателей. В хозяйственном отношении коммуна испытывала огромные сложности, прежде всего из-за отсутствия навыков сельскохозяйственного труда. Автор документа, подводя итоги и оценивая перспективы «Юнгвальд» пришёл к неутешительному выводу, что «состав коммуны очень текуч. Многие члены чувствуют себя в коммуне временно и имеют стремление уйти. Материальные условия быта крайне несносны: плохое питание, плохая одежда и жилище напоминают казарму...В коммуну вступают комсомольцы из городов севера, бросая своё прежнее занятие и не разрывая связи с семьёй, они едут в Крым в коммуны, чтобы попробовать новой жизни. В коммуне же их встречает суровая материальная обстановка и нелёгкий с/х труд, в силу этого они «дают дёру» на север» [37, л.31].

Необходимо отметить, что в связи с переселенческой кампанией в обществе усилилось социальное напряжение. Наряду с людьми, которые нейтрально или индифферентно относились к переселенцам, были и люди выражавшие недовольство процессом переселения. Одним из органов, отслеживавших ситуацию, являлось ОГПУ. За каждые десять дней составлялась сводка с фиксацией высказываний людей, попавших в поле зрения политической полиции. Эти сводки выступают как своеобразный социологический срез настроений общества. Руководящие органы пытались также проанализировать причины напряжения в обществе. В одном из отчётов, анализируя причины отмечалось, что «значительный поступательный рост еврейского землеустройства в Крыму при одновременном выкорчёвывании остатков помещичьего землевладения и проведения земельной реформы, сильно бьющий по кулаку, вызывает особую злобу у кулачества и их приверженцев против еврейского переселения и выливается в форме хозяйственного террора потравы хлебов переселенцев и их выпасов и физическом терроре – избияния отдельных переселенцев и нападения на переселенческие участки. Потравы полей переселенцев принимают всё более злостный и систематический характер» [38, л.1].

Решения о проведении сплошной коллективизации внесли соответствующие коррективы в развитие аграрного сектора переселенческих районов. В начале 1930 года было проведено Всеукраинское совещание работников КОМЗЕТ и Агро-Джойнта. В его работе приняли участие и представители КОМЗЕТ Крымской АССР. Всеукраинское совещание обсуждало вопросы коллективизации, организационные и технические аспекты развития переселенческих районов. Документ зафиксировал, что «на совещании решено принимать в районы сплошной коллективизации лишь организованных в артели переселенцев. Представители Агро-джойнта отстаивали «СОЗ», как преимущественную форму коллективизации на данный период, а совещание приняло точку зрения фракции, что основной формой коллектива на переселенческих фондах является артель» [39, л.15].

Несмотря на начало «биробиджанского проекта», и в 1930-х годах в Крым продолжают прибывать переселенцы. На начало 1930 года в Крымской АССР насчитывалось 144 земельных участка общей площадью 215190 гектаров. На этой территории проживало 3103 семьи, из них 3083 являлись посевщиками. Средняя норма надела составляла 28 гектаров [40, л.1]. На нужды переселения были затрачены огромные финансовые ресурсы. С 1925 по 1929 год включительно было потрачено 8355357 рублей. При этом 62% или 5160905 рублей были выделены Агро-Джойнтом. Стоит учесть, что это были валютные ресурсы не подверженные инфляции. Агро-Джойнтом было завезено значительное количество тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Специально в Джанкойский и Евпаторийский район поставлялось

американское оборудование для вырубki глубоких шахтных колодцев. За несколько лет обеспеченность сельскохозяйственным инвентарём многократно возросла. В начале 1930 года насчитывалось 1053 плуга, 1217 букеров, 1625 борон, 219 сеялок, 321 жатка, 82 молотилки. Существенно возрос тракторный парк, в совокупности насчитывавший 66 единиц различных марок [41, л.4].

В начале 1930-х годов в переселенческих деревнях существовала острая политическая ситуация. Представители Агро-Джойнта и сами переселенцы воспринимали себя как единую общность, где нет ни имущественной, ни социальной дифференциации. Евсекция крымского обкома являлась проводником идеи классовой борьбы в еврейской переселенческой деревне. Утверждалось, что евреи в имущественном отношении неоднородны и необходимо стимулировать классовую борьбу и раскулачивания: «сейчас же со всей категоричностью нужно заявить, что переселенческая деревня подвержена тем же законам расслоения, которые в определённой степени имеются и в нашей советской деревне» [42, л.7]. Евсекция должна была осуществить кампанию «ликвидацию кулачества как класса». Коммунисты и комсомольцы выступить инструментом реализации раскулачивания. Раскулачивание должны были осуществить приезжие, не связанные никакими личными отношениями. Было обращено внимание на то, что местные работники «не могут вести работу по делению крестьян на социальные группы, по организации бедноты и через неё и посредством привлечения середняцкой массы, выявлять кулаков и вести на него наступление» [43, л.9].

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что создание еврейских аграрных колоний в Крымской АССР стало одним из важнейших мероприятий национальной политики 1920-х годов. Программа аграризации евреев отличалась масштабностью и огромным объёмом задействованных финансовых ресурсов, в том числе и привлечённых из-за рубежа. Успех этой программы должен был продемонстрировать, что в Советском Союзе решена проблема антисемитизма. Предоставление значительных земельных участков призвано было дискредитировать вариант Палестины. Переселение евреев на крымские земельные фонды носило характер государственной программы в масштабах всего СССР. Местные интересы и потребности при этом не были учтены, что вызвало острое политическое противостояние и сопротивление процессу переселения. Часть руководства ЦИК автономии и крымского обкома РКП(б) увидели прямую угрозу своему пониманию и перспективам коренизации.

Источники и литература:

1. Козерод О. В. Євреї України в період нової економічної політики: 1921-1929 рр. / О. В. Козерод. – К. : СПД Савчина, 2003. – 313 с.; Журба М. А. Шестикутна зірка над полем: Життя і смерть єврейського землі облаштування в Україні (20-30-ті роки ХХ століття) / М. А. Журба, В. О. Доценко. – К. : МП Леся, 2005. – 230 с.
2. Хиллинг Г. В поисках рая: о еврейском землеустройстве в Крыму / Г. Хиллинг, И. Декель-Хен. – Симферополь : БЕЦ «Хесед-Шимон», 2004. – 120 с.; Хиллинг Г. «Войо-Нова» в Крыму – забытая сельхозкоммуна (киббуц) / Г. Хиллинг. – Марбург, 2005. – 172 с.
3. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГА АРК). – Ф. П.1. – Оп. 1. – Д. 203. – Л. 38.
4. ГА АРК. – Ф. П. 1. – Оп. 1. – Д. 441. – Л. 2.
5. Там же. – Д. 441. – Л. 2.
6. Там же. – Д. 441. – Л. 3.
7. Там же. – Д. 441. – Л. 5.
8. Там же. – Д. 441. – Л. 7.
9. Там же. – Д. 441. – Л. 8.
10. Там же. – Д. 441. – Л. 16об.
11. Там же. – Д. 441. – Л. 17.
12. Там же. – Л. 17.
13. Там же. – Д. 441. – Л. 20об.
14. Там же. – Д. 557. – Л. 27об.
15. Там же. – Д. 557. – Л. 37.
16. Там же. – Д. 557. – Л. 38.
17. Там же. – Д. 557. – Л. 39.
18. Там же. – Д. 557. – Л. 45.
19. Там же.
20. Там же. – Д. 558. – Л. 12.
21. Там же. – Д. 558. – Л. 28.
22. Там же. – Д. 558. – Л. 25.
23. Там же. – Д. 558. – Л. 30.
24. Там же.
25. Там же. – Д. 558. – Л. 31.
26. Там же.
27. Там же. – Д. 558. – Л. 37.
28. Там же. – Д. 701. – Л. 10.
29. Там же.
30. Там же. – Д. 701. – Л. 51.
31. Там же. – Д. 701. – Л. 53.

32. Там же. – Д. 701. – Л. 54.
33. Там же. – Д. 701. – Л. 58.
34. Там же.
35. Там же. – Д. 830. – Л. 14.
36. Там же. – Д. 830. – Л. 16.
37. Там же. – Д. 830. – Л. 31.
38. Там же. – Д. 917. – Л. 1.
39. Там же. – Д. 1034. – Л. 15.
40. Там же. – Д. 990. – Л. 1.
41. Там же. – Д. 990. – Л. 4.
42. Там же. – Л. 7.
43. Там же. Л. 9.

Латишева О.В.

УДК 94(477)“192/193”:369.03

«КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ СТРАХОВАНИЕ!»: З ІСТОРІЇ СТРАХУВАННЯ ЖИТТЯ УКРАЇНСЬКИХ СЕЛЯН У 1920-Х РР.

Особисте страхування або страхування життя від нещасних випадків та смерті існувало до революції 1917 р., проблемами якого переймалися акціонерні товариства, кредитна кооперація. Сільське населення виявляло байдужість до страхування життя, позаяк вважало сам факт укладання подібної угоди порушенням канонів православної церкви. Страхові агенти та установи, навіть представники церкви намагалися переконати селян в необхідності страхування, займаючись агітацією та пропагандою його матеріальних переваг. На їх заклики відгукнулися службовці, окремі заможні верстви суспільства, деяка частина інтелігенції [1], але не селяни, для яких майнове страхування було зрозумілішим, однак і воно не було пріоритетним, не кажучи про особисте страхування. Тоді лише формувалися організаційні основи кооперативного страхування, судячи з праць О.В.Чаянова [2], яке стосувалося майна, а не особистого життя господаря чи членів його родини.

Формування радянської системи страхування життя розпочалося 6 липня 1922 р. після декрету про запровадження добровільного страхування життя від нещасних випадків [3], але за відсутності твердої валюти її становлення відбувалося повільно. Матеріально-фінансове забезпечення радянської валюти, якою став «червінець», зрушило справу з місяця, відтак 1 березня 1924 р. з'явилися перші страхові поліси (угоди, договори). До 1 жовтня 1924 р. їх видавало Головне Правління Держстраху СРСР, а надалі Укрдержстрах виконував самостійні операції з правом прийому, відхилення та оформлення полісу [4]. Першими їх отримали жителі столичного Харкова, а за квітень-травень - Києва, Катеринослава, Чернігова, Житомира. За три місяці 1924 р. надійшло 160 заяв від «міської людності» із страховою сумою понад 132 тис. крб. Серед застрахованих чоловіки становили 94%, а пріоритетним було страхування без попереднього медичного огляду особи (розряд Б) – 84% заяв, решта дотримувалася традиційних принципів страхування життя з медичним оглядом та лікарським засвідченням стану здоров'я застрахованого (розряд А). Привертає увагу той факт, що страхова сума по розряду Б, яка мала найбільшу кількість полісів, становила 57,1% , а по розряду А 43% [5], що свідчило про різні суми страхування та принципи відповідальності. Третина осіб по розряду Б страхувалася на суму 500 крб., на 1000 крб. 29%, а вище лише 12%, хоча менше 500 крб. страхувався кожний четвертий. По розряду А було подано 17% заяв, страхова сума яких була від 1000 до 2000 і більше крб., але не сягала 5000 крб. [6] Середній вік застрахованих коливався в межах 33-36 років, а пересічна страхова сума для розряду Б становила 845 крб., для розряду А 2231 крб., що у декілька раз менше порівняно з дореволюційними акціонерними страховими товариствами.

Страхуванню підлягали родина, на випадок смерті застрахованого, а також він сам, якщо досяг певного терміну та старості. Встановлювався мінімальний термін страхування – 10 років, а максимальний – до 80-літнього віку застрахованого. Впроваджувалося так зване «народне страхування», розраховане на дрібні страхові суми без медичного огляду, однак термін страхового забезпечення становив два роки. Держстрах спочатку обмежив страхові суми: по страхуванню без медичного огляду мінімально 200 крб., максимально понад 1000 крб., а з медичним оглядом – найменша 500 крб., найбільша 10000 крб. У травні 1924 р. започаткували «групове страхування» робітників та службовців, але не менше 10 осіб з виплатою страхових внесків підприємством та установою з утриманням відповідної суми з фонду зарплати. Мінімальна страхова сума становила 100 крб., а максимальна 1500 крб. [7]. Виплата страхового забезпечення відбувалася одразу після нещасного випадку та відповідно до полісу, а внески дозволялося сплачувати помісячно. Середня страхова сума групи сягала 325-406 крб., а заявки на оформлення групового страхування подавали переважно службовці, які становили 96% від загальної кількості полісів [8]. Страхувалися переважно службовці радянських установ, які мали також забезпечення по лінії соціального страхування. Органам державного страхування не вдалося тоді схилити до особистого страхування життя жодного робітника, а селян тим паче. Вважалося, що галузеві профспілки недостатньо наполегливо агітували серед індустріальних робітників, тому вони не подавали заяв до страхових органів. Страхували також і «нетрудових елементів», тобто непманів, пересічна страхова сума яких сягала 1380 крб., тобто на 500 крб. вища від «советских служащих». Стягненням страхових платежів займалися інспектори-організатори та агенти страхових контор. Досвід страхування життя протягом першого року його фактичного